

Не славы ради...

В частном жилом секторе сельмашевского микрорайона есть улица, которая носит имя Николая Васильевича Пивоварова. Упрятанная в глубь таких же незатейливых улочек, появившихся на карте города в довоенное и послевоенное время в связи со строительством и развитием завода «Гомсельмаш», она известна далеко не каждому нынешнему гомсельмашевцу. Не говоря уже о других гомельчанах. И все же есть одна особенность, отличающая эту улицу от окружающих Линейных и Иногородних, Озерной и Коммунальной, — имя человека, в честь которого она названа.

ПОД СТРАХОМ КАЗНИ Николай Пивоваров - уроженец деревни Антоновка Добрушского района. В начале прошлого века выросли рано: в 1927 году, в возрасте 14 лет, он уже ушел на собственные хлеба. После разрухи и Гражданской войны в стране был взят курс на индустриализацию, начали возводиться новые промышленные предприятия, реконструироваться старые... Самой модной и востребованной профессией стала профессия строителя. Николай Пивоваров тоже начинал в Гомеле рабочим на стройке.

Потом, в 1929 году, на базе бывших главных механических мастерских Либаво-Роменской железной дороги был образован Гомельский паровозовагоноремонтный завод. Предприятию потребовался приток свежих квалифицированных кадров. Николай, в соответствии с велением времени, освоил новую профессию и стал токарем.

...Лето 1941 года на заводе выдалось горячим. Война безжалостно ломала устоявшиеся

порядки, вносила суровые коррективы в жизнь трехтысячного коллектива. Многие заводчане ушли на фронт, часть записалась в народное ополчение, часть вместе с заводом эвакуировалась в Уфу. Николай Пивоваров оказался в числе тех, кто вплоть до оккупации занимался ремонтом военной техники частей Красной Армии, оборонявших Гомель.

В планах гитлеровских властей паровозовагоноремонтный завод с первых дней оккупации стал играть особую роль: расположенный на важнейших железнодорожных коммуникациях, он должен был стать крупнейшей мастерской по ремонту паровозов и вагонов для нужд фронта.

На предприятие в спешном порядке из Германии было завезено оборудование, начались розыски бывших работников, которым под страхом казни предписывалось явиться на завод. Недостаток кадровых рабочих, в числе которых оказался и Николай Пивоваров, восполнялся лицами, не имеющими специальности, и военнопленными.

На заводе был установлен 12-часовой рабочий день, введен режим жестких репрессий. За опоздание или неявку на работу можно было угодить в концлагерь, оказаться в числе угоняемых в Германию. За малейшее неповиновение рабочих загоняли в заводскую контору и любу избивали, сажали в холодные камеры, отправляли в городскую тюрьму. Подозреваемых в саботаже расстреливали.

Но уже в первые недели оккупации при разгрузке оборудования, привезенного из Германии, были выведены из строя уникальные станки, ежедневно срывались графики монтажа оборудования, ремонта паровозов и

вагонов. Крайне низким оказывалось качество проведенных работ. «Отремонтированные» паровозы, не успев выйти за ворота, снова ломались и возвращались назад. Поначалу на заводе действовали небольшие патриотические группы и подпольщики-одиночки. Но к концу 1941 года многие из них установили между собою связь, пополнились новыми людьми.

Наиболее активной в ту пору оказалась группа, которую возглавил 28-летний Николай Пивоваров. Входили в нее, в основном, молодые рабочие Михаил Бетанов, Сергей Кондратьев, Герасим Дятлов, Владимир и Рэм Ярыгины, Федор Морозов, Иван Анкудинов, Яков Слепянков и другие. Не имея достаточного опыта борьбы с врагом, на первых порах вредили ему, как могли: ломали станки и инструмент, сыпали песок и металлическую стружку в боксы паровозов и вагонов, портили паровозные котлы, растаскивали подшипники и электроды, ставили на ремонтируемые паровозы и вагоны непригодные детали, при шлифовке цилиндров вместо наждачного порошка использовали песок.

Очень скоро связь с Николаем Пивоваровым установили Тимофей Бородин и Роман Тимофеев, возглавившие городской оперативный подпольный центр. Понимая важность проведения агитационной и разъяснительной работы на оккупированной территории, они передавали группе Пивоварова листовки, сводки Совинформбюро, другие печатные материалы. В группе имелся также свой радиоприемник, установленный на конспиративной квартире по улице Ауэрбаха, 29.

С течением времени подпольщики перешли к более

крупным диверсиям. В апреле 1942 года члены группы Герасим Дятлов, Яков Слепянков и Иван Ковалев взорвали паровоз на станции Пассажирская. В мае в кузнечном цеху был разбит паровой молот (подпольщики отпустили болты крепления, и молот вдребезги разнес станину), в паровозосборочном -дефектоскоп. Сам Николай Пивоваров в этом же цеху вывел из строя коляску «Двина». Летом 1942 года Михаил Бетанов, Иван Ковалев и Сергей Кондратьев разукомплектовали карусельный станок в механическом цеху, они же воровали и прятали ценный металл - баббит, медь, бронзу.

Действовали чаще на свой страх и риск, потому что после ареста и гибели Тимофея Бородина, Ивана Шилова и Романа Тимофеев (май-июнь 1942 года) связь с городским оперативным центром, а значит и с подпольным горкомом партии, оборвалась. В начале осени 1942 года отважный подрывник отряда «Большевик» Александр Исаченко, возглавлявший подпольный горком комсомола, связь с Николаем Пивоваровым восстановил. Однако 7 октября 1942 года при выплавке тола он погиб. Связь снова оборвалась. Между тем вал диверсий и саботаж на заводе нарастали, этой работой занималась не только группа Пивоварова, но и другие подпольщики.

Обеспокоенные усилением подпольной борьбы, оккупационные власти предприняли ряд экстренных мер. Из Кельна и Бреслау в Гомель прибыл специальный отряд жандармов, была активизирована деятельность военной контрразведки, в июне 1942 года в Гомеле приступил к работе сотрудник абвера, зондерфюрер Гартман, живший до революции в

России и считавшийся специалистом по русским вопросам.

Вместе с другим руководителем «Абвергруппы-315» Дрейсом он создал на заводе агентурную сеть из числа предателей, заслал своего агента Глушакова, которого снабдил фиктивными документами советского разведчика, советскими газетами и сводками Совинформбюро. К сожалению, предатель смог втереться в доверие к подпольщикам. Якобы по поручению секретаря горкома партии Емельяна Барыкина начал составлять списки рабочих, желающих пойти в партизанский отряд.

Между тем, в январе 1943 года подпольщики Виктор Кучерявый, Олег Ярыгин и Евгений Мерзлов вывели из строя отопительную систему, сварочный агрегат, несколько станков. 4 февраля, после разгрома немцев под Сталинградом, Михаил Бетанов сорвал ночью вывешенный немцами на здании электростанции траурный флаг и водрузил вместо него красный с надписью «Слава Красной Армии!». На следующий день гитлеровцы арестовали несколько рабочих, в том числе Михаила Бетанова. А подпольщики уже задумали взорвать к 23 февраля, Дню Красной Армии, кислородный склад, что привело бы к большим разрушениям и выводу предприятия из строя на длительное время.

Узнав от Глушакова о планируемой диверсии, Гартман пошел ва-банк и приказал агенту собрать у себя на квартире наиболее активных подпольщиков под предлогом встречи с представителем партизанского отряда. Сбор был намечен на 7 февраля. Однако пришло на него только пять человек. Глушаков

предложил назвать фамилии активных подпольщиков якобы для представления к государственным наградам. Почуввав неладное, собравшиеся подпольщики попытались уйти, никого не называя, но в квартиру уже врвался Гартман с солдатами. Одновременно по заранее составленным спискам арестовывались другие рабочие завода, заподозренные в патриотической деятельности. Аресты продолжались всю ночь и весь следующий день. В фашистских застенках оказалось около 200 рабочих, в том числе вся ночная смена паровозосборочного цеха, а также руководящее ядро подпольной группы - Н. Пивоваров, М. Слепянков, С. Кондратьев, Г. Дятлов, ранее арестованный М. Бетанов, другие активные подпольщики. Параллельно шли аресты железнодорожников, работавших в отделениях службы движения и службы пути.

Истязания арестованных продолжались две недели. Их морили голодом, не давали воды. В семьи подсылались провокаторы, требовавшие на правах «друзей» подпольщиков выдать листовки, взрывчатку, ракетницы. В камеры подсаживались так называемые «подсадные утки».

Как рассказывала после войны гомельчанка Е.Т. Кондратьева, 10 февраля 1942 года при содействии А.И. Зайцева, работавшего в тюремном санпропускнике, через щель в стене ей удалось увидеть некоторых рабочих ПВРЗ, мывшихся там. В том числе своего мужа Сергея Кондратьева, Николая Пивоварова и Михаила Бетанова. Из их окровавленных спин были вырваны целые куски мяса. Пивоваров успел шепнуть, что их били кожаными плетями, по 70 ударов каждому.

22 февраля 1943 года фашисты на 5 автомашинах вывезли арестованных в Назаровский лес возле бывшей деревни Лещинец и там расстреляли. О предстоящем вывозе арестованных стало известно родным и близким, они собрались возле тюремных ворот. Подпольщики стояли в автомашинах, связанные между собой. Кто-то из них крикнул: «Прощайте, люди, расстрел». Патриотам удалось также выбросить несколько записок аналогичного содержания.

Обозленные конвоиры, разгоняя толпу, открыли огонь по собравшимся.

Как утверждали позже свидетели, наблюдавшие за расстрелом рабочих некоторые из казненных не были убиты сразу, поэтому земля над ними еще долго шевелилась и сочилась кровью.

Избежать ареста и расстрела удалось тогда только двум активным подпольщикам из группы Николая Пивоварова - Олегу Ярыгину и Евгению Мерзову. Они были выведены позже в партизанский отряд.

О довоенной жизни Николая Пивоварова сегодня мало что известно. Не проясняет ситуацию даже музей вагоноремонтного завода. А все сохранившиеся сведения о руководителе подпольной группы ПВРЗ черпаются нынешними исследователями, в основном, из мемуаров бывших партизан и подпольщиков Гомеля, некоторых архивных сведений и перекочевывают от автора к автору, от публикации к публикации. И тем не менее, они в достаточно полной мере рассказывают о подпольном периоде жизни нашего героя.

Остается добавить, что Николай Пивоваров после освобождения Гомеля посмертно

был награжден орденом Отечественной войны II степени, его имя увековечено не только в названии одной из улиц сельмашевского микрорайона, но и занесено на мемориальную доску, которая установлена на административном здании вагоноремонтного завода.